

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы

Исторические
новеллы
любви

Блистательные изгнанницы

Елена Арсеньева

**Маленькая балерина (Антонина
Нестеровская, княгиня
Романовская-Стрельницкая)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Маленькая балерина (Антонина Нестеровская, княгиня Романовская-Стрельницкая) / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Блистательные изгнанницы)

ISBN 5-699-09962-X

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопротивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-09962-X

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Маленькая балерина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Елена Арсеньева

Маленькая балерина

Антонина Нестеровская, княгиня

Романовская-Стрельницкая

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние привычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанниками. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанниками. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родословные восходили к незапамятным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благородные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособлялись к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Маленькая балерина **Антонина Нестеровская, княгиня** **Романовская-Стрельницкая**

– Мне нужно только полчаса, – умоляюще проговорила портниха Вера Пятакова, прижимая руки к груди. На одном пальце все еще оставался наперсток, а на груди прямо в платье было вколото несколько иголок с разноцветными нитками. – Мсье, мадам, клянусь, что через полчаса все будет готово.

Гавриил Константинович и Нина переглянулись.

– Ну что ж, Габриэль, – сказала Нина, произнося имя мужа на французский лад, – теперь вся надежда на тебя. – И она улыбнулась, глядя на него снизу вверх и даже закинув голову, так он был высок.

А Гавриилу Константиновичу, чтобы встретиться взглядом со своей женой, пришлось голову наклонить как можно ниже. Что же делать, если у него рост – 197 сантиметров, а у Нины – всего лишь 155! Если ему взбрело в голову посмотреть в милые карие глаза жены, Гавриил Константинович предпочитал не наклоняться, а подхватить ее на руки, подняв ее лицо на уровень своего, причем Нина пищала и вырывалась: она боялась высоты. Впрочем, сейчас, в присутствии портнихи, ни о каких таких вольностях и помыслить было невозможно: Нина, обычно милая и ласковая в обхождении, строго блюла перед служащими свой статус княгини, супруги князя императорской крови. Поэтому Гавриил Константинович только улыбнулся ей в ответ и покорно кивнул:

– Хорошо, моя милая. Полчаса я тебе обещаю! Но ты уж смилуйся надо мной, ведь эта мадам Мьель такая противная, да и собой дурна. Вот если бы, к примеру, тут была какая-нибудь хорошенькая особа... – Он сделал паузу. Брови Нины резко сошлись к переносице. – ...какая-нибудь хорошенькая особа вроде тебя, моя милая! – как ни в чем не бывало закончил Гавриил Константинович, и Нина просияла улыбкой – той самой улыбкой, которая двадцать лет назад свела его с ума, пленила – и продолжала держать в плену, избавиться от которого он не хотел ни за какие блага мира.

Он вышел в приемную. Мадам Мьель, худая, высокая – не столь высокая, конечно, как сам Гавриил Константинович, но явно переросшая допустимую для прекрасного пола норму, маялась ожиданием, бесцельно переходя от фотографии к фотографии, во множестве развешенных на стенах. Обернувшись на звук шагов и заведя Гавриила Константиновича, она широко улыбнулась большим, щедро накрашенным ртом:

– О, добрый день, граф... добрый день!

Каждый раз мадам Мьель называла его то граф, то князь – в зависимости, видимо, от настроения. Впрочем, он не обижался. Правильно говорят эти деловитые американцы, которые известны всему миру своей беспринципностью и умением *make money*:¹ клиент всегда прав. И какая ему, в сущности, разница, как эта дама его назовет? Всю жизнь он жил с сознанием некоторой ущербности от того, что именно его и его брата Иоанна (в детстве Гавриил называл его Иоанчиком) настигла несправедливая реформа дедушки Александра III: согласно ей только дети и внуки царствующего государя могли носить титул великих князей. Гавриил и его многочисленные братья стали просто князьями, хотя и князьями императорской крови: ведь они были всего лишь внуками брата императора Александра. Чего греха таить, реформа задевала их самолюбие всю жизнь. Речь шла не только о том, что великие князья получали ежегодное жалованье в размере 280 000 рублей, тогда как князь императорской крови вынужден

¹ Делать деньги (англ.).

был довольствоваться единовременным пособием в миллион рублей на всю жизнь и больше не мог рассчитывать получить ни гроша из государственной казны. Нет, разумеется, вопрос упирался не только в деньги. Титулы, должности, ордена и назначения играли не последнюю роль в повседневной жизни... в той, прошлой жизни. Теперь это не имело ровно никакого значения, поэтому Гавриил Константинович улыбнулся забывчивой мадам Мьель со всей приветливостью и автоматически переключился на французский:

– Счастлив тот день, который начинается со встречи с такой очаровательницей, как вы! Вижу, вас заинтересовали наши реликвии? Вы любите старые фотографии? Позвольте, я расскажу о них в нескольких словах.

Фотографий было десятка два, не меньше. Если на каждую уделить всего лишь по две минуты, это уже сорок минут, а портниха просила только тридцать. Итак, вперед!

– Вот портрет моего отца, великого князя Константина Константиновича, племянника государя императора Александра III. Мой отец был человек замечательный: генерал-инспектор военно-учебных заведений и преобразователь Комитета грамотности, мечтавший всю Россию сделать грамотной; основатель Женского педагогического института в Петербурге и президент Академии наук; строгий начальник, знавший всех унтер-офицеров Измайловского, а затем Преображенского полков, которыми он командовал, и всеми признанный поэт, писавший под псевдонимом *К.Р.*

И Гавриил Константинович, на ходу переводя, прочел самое знаменитое стихотворение отца:

Растворил я окно – стало грустно невмочь,
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Перевод получился не бог весть каким. Это отец был мастером перевода, а Гавриил Константинович не был наделен никакими талантами, однако глаза мадам Мьель даже несколько увлажнились.

Ой, того и гляди зарыдает! И Гавриил Константинович поспешно свернул с тропы сентиментальной на тропу бытовую:

– А это комнаты нашего Мраморного дворца в Петербурге. Вот наша с братом Иоанчиком (он произнес: *le petit Jean*) детская. Видите, она украшена и устроена в русском стиле, *à la russe*. Все наши комнаты носили русские названия: опочивальня, гуляльня, мыльня (ванная)...

Мадам Мьель испуганно хлопнула глазами.

– Да-да, – кивнул Гавриил Константинович, – хоть мы с раннего детства изучали иностранные языки, однако отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, он желал, чтобы первым нашим языком был русский. Поэтому и няни у нас были русские, и все у нас было по-русски.

Мадам Мьель пролепетала что-то в том смысле, что русский язык безумно трудный, она его отродясь бы не выучила...

– Да мы его и не учили, – любезно улыбнулся Гавриил Константинович, – мы просто говорили на нем *отродясь*. Но взгляните сюда. Это мы с Иоанчиком на прогулке. Зимой мы носили бархатные пальто, похожие на боярские кафтаны, отороченные соболем, собольи шапки с бархатным верхом, гамаша и варежки на резинке малинового цвета. Наши пальто были очень красивы и передавались от старших к младшим.

Мадам Мьель уставилась недоверчиво. Чтобы в семье герцога (в ее понимании брат императора был именно герцогом) одну и ту же одежду носили разные дети?! Да ведь герцог небось был баснословно богат... А впрочем, тут же подумала дама, где же набрать столько соболей и бархата?! Присущие французам бережливость и практичность заставили ее одобрительно кивнуть.

– Моя тетушка Елизавета Федоровна и мой дядюшка великий князь Сергей Александрович, – перешел Гавриил Константинович к следующей фотографии.

– *Par quel monsieur majestueux! Quelle dame élégante!*² – восхитилась мадам Мьель. – А это, очевидно, ваша семья? Братья и сестры?

– Вы совершенно правы, – с полупоклоном сказал Гавриил Константинович. – Мои братья и сестры. Иоанн, я, потом наша сестра Татьяна, затем Константин, Олег, Игорь, Георгий, Вера. Каждый раз, когда у нашей матушки Елизаветы Маврикиевны рождался ребенок, отец надевал белый китель...

– *C'est très mignon*,³ – пробормотала мадам Мьель. – У вас была такая большая семья! Где же все они теперь?

– Олег погиб во время Первой мировой войны. Вера и Георгий в Нью-Йорке, Татьяна живет в Швейцарии. Она стала монахиней.

Гавриил Константинович перевел взгляд на другую фотографию. Ему не хотелось говорить о братьях. Олегу еще повезло! Он погиб смертью воина, а не мученика, как Иоанн, Константин и Игорь, убитые в Алапаевске вместе с *dame élégante*, Елизаветой Федоровной. Они были сброшены в шахту еще живыми... А *monsieur majestueux*, великий князь Сергей Александрович, за тринадцать лет до этого был на куски разорван бомбой социалиста-террориста.

– Вот, взгляните. Это моя сестра Татьяна в день ее свадьбы.

– Прелестно, прелестно! Она вышла за какого-нибудь принца или герцога? – поинтересовалась мадам Мьель, с превеликим интересом вглядываясь в чернобровое, черноусое, черноглазое лицо жениха.

– О нет, не принц и не герцог. Его звали князь Константин Багратион-Мухранский. Он служил корнетом кавалергардского полка. Он приезжал к нам в Павловск и катался на лодке с Татьяной. Все были от него в восторге! Татьяна и Багратион влюбились друг в друга и решили пожениться. Но отец и матушка были категорически против этого брака, хоть Багратион и был очень хорошего происхождения, из древнего грузинского рода, но увы, не царствующего... Отец потребовал, чтобы он покинул Петербург, и Константин уехал в Тифлис, где стояла его часть. А Татьяна от горя заболела. Обострилась болезнь спины, которую она повредила, катаясь на коньках. Татьяна даже ходить не могла, ее выносили на балкон, и она лежала там. Казалось, что она медленно угасает...

² Какой величественный господин! Какая элегантная дама! (франц.)

³ Это очень мило (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.